

Чемпионка

СЛЕДОВАТЕЛЬ

АНЯ

ОЛЬГА

ПОРШЕНЬ

СОНЯ

ФЕДЯ

ДАША

БАТЯНЯ

ОФИЦИАНТКА

Действие пьесы происходит в течение 3 лет.

1.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как вы познакомились с Василием Поршневым?

АНЯ. Познакомилась три года назад. Пришла к нему тренироваться.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему к нему?

АНЯ. Ну, он выдающийся тренер. И как раз из Москвы вернулся – выгнали его из сборной. Воспитал двух олимпийских чемпионов. У него своя методика, совсем другая: сразу по четырём дисциплинам тренирует - спуск, супергигант, слалом и гигант. Жирарделли делает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что делает?

АНЯ. Марк Жирарделли, звезда горнолыжного спорта, знаете? Выступал сразу во всех дисциплинах. Одиннадцать медалей с чемпионатов планеты и пять Хрустальных глобусов.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Глобусов?

АНЯ. Это кубки мира. Такие шары на ножках. Хрустальные. Очень красивые.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что вы можете сказать о характере Поршнева?

АНЯ. У Василия Андреевича очень хороший характер. Был всегда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Он подозревается в преступлении.

АНЯ. Мне кажется, это странно. Василий Андреевич честный человек, спортсмен. Всегда говорит прямо, открыто. Это очень важно. Благодарна ему за всё.

2.

Три года назад. Аня запрыгивает и спрыгивает с тумбы, Поршень смотрит на секундометр.

ПОРШЕНЬ. Как там тебя, Журавлёва?

АНЯ. Аня Журавлёва.

ПОРШЕНЬ. Прыжок беременной коровы.

АНЯ. В смысле?

ПОРШЕНЬ (*передразнивает*). «В смысле». Взрывная сила маленькая, выносливость очень средняя. Надо силу тренировать и выносливость, не пробовала? Со штангой у меня будешь приседать. И много раз.

АНЯ. Ладно.

ПОРШЕНЬ (*передразнивает*). «Ладно». А ноги-то кривые, Журавлёва.

АНЯ. В смысле?

ПОРШЕНЬ. В прямом, Журавлёва, в прямом. Как у Пирмина Цурбриггена, знаешь такого?

АНЯ. Пипец.

ПОРШЕНЬ. Тебе тренер делал индивидуальные стельки?

АНЯ. Стельки?

ПОРШЕНЬ. Не делал. А чё, правильно. Зачем тебе индивидуальные стельки – победишь ещё не дай бог.

АНЯ. Может, хватит?

ПОРШЕНЬ. Что «хватит»? Что, у нас характер что ли плохой? Мало того, что ноги кривые, техника нулевая, побед нет, а возраст солидный, сколько тебе, кстати?

АНЯ. Девятнадцать.

ПОРШЕНЬ. Ну вот, девятнадцать. В сборную не попала. Так мы ещё ерепенимся?

АНЯ. Пипец. Не хотите брать – не надо. Зачем издеваться?

Аня хочет уйти.

ПОРШЕНЬ. Стой. Травмы какие?

АНЯ. Ключицу ломала, крестообразную связку рвала. Ну и по мелочи.

ПОРШЕНЬ. Почему проигрывала последние два года?

АНЯ. Не знаю.

ПОРШЕНЬ. А кто знает? Сколько стартов было в этом сезоне?

АНЯ. Кажется, сорок семь.

ПОРШЕНЬ. Ну ё-моё! Царьков – ну просто бог! Конечно, когда вам над техникой было работать – вы же по соревнованиям колесите. Сколько очков собрала, звезда моя?

АНЯ. Мало.

ПОРШЕНЬ. Конечно, мало. Кто бы сомневался. Что делать мне с тобой?

АНЯ. Убейте.

ПОРШЕНЬ. Жалко. Так-то симпатичная. Замужем?

АНЯ. Нет, конечно.

ПОРШЕНЬ. Ну если обещаешь, что замуж не выскочишь ближайшие пару лет. И будешь слушаться...

АНЯ. А вы не обзываетесь.

ПОРШЕНЬ. Так, ты тренеру не указывай. А то отжиматься заставлю. И тумбу на спину поставлю. Учишься?

АНЯ. В физкультурном.

ПОРШЕНЬ. Бери академ. Не будет у тебя теперь времени в ближайшие пару лет.

АНЯ. В смысле?

ПОРШЕНЬ. В прямом смысле, Журавлёва: вся твоя жизнь должна быть посвящена одному – горным лыжам. И больше ничему. Всё свободное от сна и еды время. Садись давай видео смотреть.

АНЯ. Так вы меня берёте?

ПОРШЕНЬ. Догадливая какая. На видео, Журавлёва, идеальные повороты. На повторе, и в замедлении. Чтобы в голове у тебя отпечталось навечно. Девяносто процентов успеха в горнолыжном спорте, да и в жизни, зависит от головы – запомни, Журавлёва.

Аня смотрит на экран ноутбука, там снят горнолыжник, совершающий идеальные с точки зрения техники повороты. Каждый поворот показан много раз, и последний раз с замедлением. В комнату заглядывает красивая девушка в дорогой шубе - Даша, Поршень вскакивает и обнимает её.

ПОРШЕНЬ. Ну всё, смотри пока, Журавлёва, я скоро. Если что, закроешь ноут, ключ на вахту.

Аня видит в окно, как Поршень садится в джип к Даше, они целуются, потом уезжают.

3.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы Ольга Михайловна Журавлёва, мать Анны Журавлёвой, верно?

ОЛЬГА. Да, так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Работаете где?

ОЛЬГА. Теперь дома шью на заказ, раньше на почте работала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда, Ольга Михайловна, вы познакомились с Василием Поршневым?

ОЛЬГА. Так три года назад, когда Аня пришла к нему тренироваться. Понимаете, нам страшно не везло, абсолютно. Первый тренер Анин, когда она уже юниором стала, не говорю про детского, попался не очень хороший. И результатов у нас не было, в сборную не отобрали. Ну пару раз мы нашли спонсоров – съездили в Европу. Но там тоже не было результатов. И тут разбился один мальчик, горнолыжник, на глазах Ани, прямо на соревнованиях. И всё, у неё начались эти панические атаки, она вообще стала плохо выступать. И мы запаниковали. В это время из Москвы вернулся Поршневы – он звезда, воспитал чемпионов. Но нам сразу сказали, что сложный, поэтому из сборной выгнали. Репутация такая скандальная – то подерётся, то напьётся – вот и выперли из сборной. Журналисты раздувают, конечно. Он, кстати, их тоже бил регулярно, ещё в Москве.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть, агрессивный.

ОЛЬГА. Это абсолютно не так, он мирный очень. Просто тяжёлое детство, неблагополучная семья, а темперамент прёт. И потом, у него много врагов, на него наговаривают, не верьте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И кто враги?

ОЛЬГА. Все, кто не любят ярких и талантливых, думаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну а как же говорят, он ссорился со своими же учениками?

ОЛЬГА. У него свои способы тренировки, грубит, конечно. Мы поначалу тоже испугались. Но, слава богу, у нас характер очень целеустремлённый, абсолютно. Мы потянули. Мы, конечно, всё равно просили, чтобы он её на соревнования отпускал, я ходила, умоляла. Нужно быть на виду, а он всё хотел нас прятать и технику долбить. Он прятался от меня уже, или жёстко со мной говорил: мол, отстаньте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы что-нибудь слышали о том, что Василий Поршневы нарушает закон?

ОЛЬГА. Закон, что вы имеете в виду?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, может, ходили слухи. Может, у него оружие было, боеприпасы.

ОЛЬГА. Ходили слухи, он спал с дочкой мэра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да? Это тоже важная информация. Ещё что?

ОЛЬГА. Думаю, насчет дочки мэра – враньё. Просто он бабник. За ним многие бегали. Ну, вы понимаете. Сами на шею вешались. Продукты ему домой носили, алкоголь, возили его. Но, главное, он хороший тренер и хороший человек, абсолютно. Аня тогда напрасно... В общем, моя дочь – она прирождённая чемпионка, знаете. У неё характер. И обстоятельства доказали. Мы всегда были уверены в победе. Ни тени сомнения. У нас вообще так – что задумали, то получается. Конечно, крупные повороты судьбы знать не можем. Но главное, что мы всегда были с Аней одной командой. Даже если я сомневалась, она, знаете, она фанатично верила в победу, ни тени сомнения. К девятнадцатит годам ещё девственница была, да-да. Не встречалась ни с кем. Я точно знаю, не усмехайтесь, у меня все пароли от её аккаунтов и от почты были тогда. Это доверие.

4.

Три года назад. Ольга фотографирует в хрущёвке свою дочь Аню с тортом, на котором эмблема олимпиады. Все стены заклеены фотографиями с Олимпиад, эмблемами, календарями с портретами чемпионов, увешаны муляжами олимпийских медалей.

АНЯ. Мам, а так?

ОЛЬГА. Отлично, только подбородок ниже.

АНЯ. Так?

ОЛЬГА. Типа того. Улыбочку пошире, ну-ка, мы – звезда? Мы – чемпионка!

АНЯ. Смотри, шея тонкая?

ОЛЬГА. Абсолютно. Живот втяни, так. Боже, какая красота!

АНЯ (*про олимпийские кольца на торте*). Кольца видно?

ОЛЬГА. Да, видно, видно. Волосами тряхни.

АНЯ. Так?

ОЛЬГА. Ещё раз, ага, так, так, давай снова. Умничка! Что это за музыка?

АНЯ. Так ты же включила.

ОЛЬГА. Ну твой же плей-лист.

АНЯ. Заведи себе уже аккаунт, хватит у меня пастись.

ОЛЬГА. Зачем, и на твоём посижу. Мне Ваня шлёт музыку.

АНЯ. Ваня **мне** шлёт.

ОЛЬГА. Пусть побеждает за нами. И тогда уже согласимся на первое свидание.

АНЯ. Он разве зовёт? Сама видишь, просто дружба.

ОЛЬГА. Ну чего загрузила? Ты не звезда что ли? Не чемпионка?

АНЯ. Такая чемпионка, пипец.

ОЛЬГА. А ну перестань! В сборную ещё возьмут.

АНЯ. Мне уже 19 лет, мам. Блин.

ОЛЬГА. Абсолютно не страшно.

АНЯ. Ну-ну.

ОЛЬГА. Говорю, говорю тебе – позитивное мышление! Всё будет хорошо. Я уже платье себе на Олимпиаду сшила – когда поедем, надену.

АНЯ. Ну ты совсем уже, какая Олимпиада?

ОЛЬГА. Давай, «мой мир заботится обо мне». Повторяй.

АНЯ. Мой мир заботится обо мне.

ОЛЬГА. Не так. Мой мир заботится обо мне!

АНЯ. Мой мир заботится обо мне!

ОЛЬГА. Ещё: мой мир заботится обо мне!

АНЯ. Мой мир заботится обо мне!

ОЛЬГА. Супер! Сразу огонь в глазах! Вот эти снимки последние абсолютно крутые. Тэги поставлю: чемпионка, люблюсвоюмамочку, семья, любовь, я супер, победительницапожизни, скороолимпиада. Станешь чемпионкой, переедем в Москву, начнётся у нас новая прекрасная жизнь.

АНЯ (*пробует торт*). Это масло?

ОЛЬГА. Не ешь.

АНЯ. Ну иногда-то можно.

ОЛЬГА. Аня, у нас режим.

АНЯ. На фига тогда настряпала?

ОЛЬГА. Для твоего инстаграма работаю. Всё, сняли, свободна.

АНЯ. Ну вина-то выпьем?

ОЛЬГА. Глоток. У тебя режим.

АНЯ. Поршень – его кликуха. Каждую неделю новая тёлка. Вчера захожу – а они сосутся.

ОЛЬГА. Аня!

АНЯ. Ну, наливай.

ОЛЬГА. Аня!

АНЯ. У меня вообще-то день рождения сегодня, мама! Пипец.

ОЛЬГА. И что? Олимпиаду выиграй сначала.

АНЯ. С таким тренером выиграешь. Зла не хватает. С этой техникой достал. Дыхание даже тренирует, представь.

ОЛЬГА. Аня! Позитивное мышление! В конце концов, твоего Поршня мы бросим, найдём получше, это абсолютно не проблема. Представляй себе нового тренера – такого красивого, успешного, и сразу представляй Олимпиаду, медаль. На стены смотри.

АНЯ. А когда их можно есть?

ОЛЬГА. Что? Шоколадные медали? Мы их не для того повесили, чтобы жрать, а для визуализации. Чтобы мы попали на олимпиаду.

АНЯ. Mam, я даже не в сборной.

ОЛЬГА. Всё может измениться в любую минуту, абсолютно! Ты же знаешь. Помнишь, не было денег у нас перед Новым годом? И что?

АНЯ. Ну и не то, чтобы прям много появилось.

ОЛЬГА. Появилось сколько нужно! Я шла, представляла себе дождь из денег, как мы с тобой красную икру мажем и мажем, мажем и мажем.

АНЯ. Ну и в итоге что? Мазали?

ОЛЬГА. И вот она лежит – купюра под ногами, пятитысячная. Вот так. Зато колбасы купили, и я на семинаре Зеланда поучилась. Знания важнее материального. Знания, как добыть удочку.

АНЯ. Какую удочку, ма, ты на почте так и торчишь своей.

ОЛЬГА. Карьеру сделала – возглавила отделение. Визуализировала, что Валентина забеременеет и в декрет уйдёт, а я на её место. Так и вышло, абсолютно.

АНЯ. А та вторая ногу сломала – тоже ты? Зашквар, а не карьера. Мы уже пять лет на море не ездили, нищета.

ОЛЬГА. Вот станешь чемпионкой, будем везде ездить. Аня, представляй, как стоишь на пьедестале, на шее медаль, такая тяжёлая, золотая, и там, в толпе, глаза красивого богатого мужчины. Влюблённые глаза.

АНЯ. Mam, представляй его себе. Кстати, Андрей тебе звонит?

ОЛЬГА. Зачем мне Андрей, он серый как наш город. Думает, раз он с женой развёлся, так я побегу теперь к нему. Нет, пусть сам побегаёт – я мать чемпионки. И вообще, это мне всё не нужно абсолютно. Не сбивай. У нас соревнования через два дня, настраивайся. Давай, я чемпионка, я в новостях.

АНЯ. Mam, я неудачница. В спорте ноль, и у меня даже парня нет. У всех есть парень, понимаешь? Все на свидания ходят, а я как монашка. Пипец. Ни хобби, ни свиданий, ни тачки. Зачем только права получила. Вот брошу спорт и куда я? Тренером – вообще не моё, ты знаешь. Заново жизнь начинать? Пойду продавцом.

ОЛЬГА. Прекрати! Я чемпионка, я в новостях.

АНЯ. Mam.

ОЛЬГА. Я чемпионка, я в новостях.

АНЯ. Ну мам.

ОЛЬГА. Я чемпионка! Я в новостях!

АНЯ. Я чемпионка! Я в новостях!

ОЛЬГА (*передает ей ключи от машины*). Дарю тебе, доча, Тойоту Корону. Подержанная, но ещё хорошая. Пять лет копила. Это во имя нашей будущей победы!

5.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Скажите, Василий Поршнеv имел оружие или боеприпасы?

АНЯ. Что вы имеете в виду?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Может, вы что-то слышали или видели краем глаза.

АНЯ. Он затачивал канты.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чем?

АНЯ. Канторезом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это оружие?

АНЯ. Всё может стать оружием.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Послушайте, давайте по существу. Оружие было?

АНЯ. Не было.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не угрожал ли Василий Поршневу кому-то при вас?

АНЯ. Да постоянно. Он вообще кроет всех и поливает. Это стиль у него такой. Никто не боится особо. Он бесится, если кто-то хочет быстрых побед, без того, чтобы вкалывать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С коллегами?

АНЯ. Бывали конфликты раньше, помню.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так-так.

АНЯ. Он всегда себе хотел себе лучшее – лучшее время, лучшие склоны, оборудование. Ну и не все были довольны. Он мог высмеять человека, даже другого тренера. Такой довольно эгоистичный и острый на язык. Но прекрасный тренер. Очень мне повезло тогда, что он взял меня на тренировки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А у вас конфликтов не было?

АНЯ. Это был сплошной конфликт. Мы друг друга терпеть не могли. Правда. Я его дико ненавидела.

6.

Три года назад. На склоне.

ПОРШЕНЬ. Ну что, Журавлёва, боишься упасть?

АНЯ. Нет.

ПОРШЕНЬ. Нет? Тогда почему скорость сбросила?

АНЯ. Не знаю. Случайно.

ПОРШЕНЬ. Допустим, я тебе верю. Но если боишься, нельзя прятать, Журавлёва. Давай разберёмся.

АНЯ. Не боюсь.

ПОРШЕНЬ. Это психологический барьер, он может над тобой приколоться.

АНЯ. Всё норм, говорю же.

ПОРШЕНЬ. Ты пойми, мне зачем время тратить на бракованного спортсмена? Мне нужно знать, что ты нормальная.

АНЯ. Я нормальная.

ПОРШЕНЬ. Говорил с твоим бывшим.

АНЯ. С кем?

ПОРШЕНЬ. С Царьковым, тренером твоим. Говорит, ты боишься. И он тебя высмеял при всех, и ты зарыдала и ушла. Это что такое?

АНЯ. Зачем вы с ним вообще? Конечно, что он скажет, я же его бросила.

ПОРШЕНЬ. После этого и бросила? Тогда понятно.

АНЯ. Что понятно?

ПОРШЕНЬ. Ну ему гора с плеч – тупая истеричная тёлка с такой же мамашей – так себе подарок. Ладно бы ещё побеждала.

АНЯ. Что это за допрос? Я ваших бывших не допрашиваю.

ПОРШЕНЬ. Ты о чём?

АНЯ. Ваших баб.

ПОРШЕНЬ. Ты совсем берега попутала, Журавлёва? Я тебе кто тут, дружок твой?

АНЯ. Да вас все ненавидят.

ПОРШЕНЬ. А ну на гору – тренировка на час продляется, поняла?

АНЯ. Мороз минус тридцать.

ПОРШЕНЬ. Будешь мне тут кататься пока не посинеешь.

7.

Тот же день. Аня, уставшая после тренировки, входит в кабинет Поршня, там уже сидит Даша в норковой шубе.

АНЯ. А, привет.

ДАША. Привет.

АНЯ. Вы к Василию Андреевичу?

ДАША. Да.

АНЯ. Он там вешки собирает.

ДАША. Подожду.

Аня без сил пьёт чай и смотрит в одну точку. Даша смотрит в свой телефон.

У него там телефон далеко?

АНЯ. Он его как раз в снегу ищет.

ДАША. Уронил?

АНЯ. Швырнул. Когда на меня орал.

ДАША. Ясно. Ну да, тяжело ему с вами.

АНЯ. Ну ничего, ему новый подарят. Поклонниц много.

ДАША. В смысле?

АНЯ. Одна кофе горячий подвезёт, другая пирожки свои. Скоро тачки начнут дарить.

ДАША. Ревнуешь?

АНЯ. Я лесбиянка.

ДАША. А, понятно.

АНЯ. Не понимаю, что они все находят: хромой, старый алкаш-матершинник.

ДАША. Ему сорок, какой старый.

АНЯ. Пофиг.

ДАША. Любовник хороший.

АНЯ. Да? Лол.

ДАША. Ну тебе не понять.

АНЯ. Ну да, мне не понять. Как тренер он зануда, а на остальное забить. Ну ничего, скоро женится, успокоится.

ДАША. Женится?

АНЯ. Влюбился дико в одну, букеты шлёт огромные, с ведро.

ДАША. Да ладно. Он вообще цветы никогда не дарит.

АНЯ. А тут крышу снесло, говорю же.

ДАША. Да?

АНЯ. Да. Детей хочет от неё, говорят. А ты же дочка мэра?

ДАША. А тебе какое дело?

Заходит Поршень.

ДАША. Я тут час жду.

Даша вскакивает и быстро уходит. Поршень выбегает за ней, но быстро возвращается. Аня включает видео и смотрит идеальное катание.

АНЯ. Василий Андреевич, мне сколько ещё смотреть?

ПОРШЕНЬ. Пока кататься нормально не научишься. Что ты ей сказала?

АНЯ. Кому?

ПОРШЕНЬ. Даше.

АНЯ. Дарье Петровне? Она же дочка нашего Петра Борисыча, мэра?

ПОРШЕНЬ. Тебе какое дело?

АНЯ. Я сказала, что лесбиянка.

ПОРШЕНЬ. Ты? А ты лесбиянка?

АНЯ. Нет.

ПОРШЕНЬ. Журавлёва, ку-ку? Что вообще происходит? Как подросток ведёшь себя.

АНЯ. Достали ваши тёлки.

ПОРШЕНЬ. Достали мои тёлки. Так. Интересно. Ну-ну. Журавлёва, ты адская баба. Ты ревнуешь что ли?

АНЯ. Я? Кого?

ПОРШЕНЬ. Но я, понимаешь, никогда не сплю с теми, кого тренирую. Это железное правило.

АНЯ. Старых не люблю, не беспокойтесь.

ПОРШЕНЬ. Ты правда влюбилась что ли? Эй! Я твой тренер.

АНЯ. Что за бред! Пустите!

Аня хочет убежать, Поршневу не даёт ей выйти.

ПОРШЕНЬ. Послушай, дорогая, это помешает нашим тренировкам. Давай так: или я твой тренер, и мы ни-ни, или выбирай.

АНЯ. Да лучше крокодил.

ПОРШЕНЬ. Да? Ну, хорошо, очень хорошо. Тогда тренируемся дальше. Ты чай попила? Давай на тумбу.

АНЯ. В смысле?

ПОРШЕНЬ. Запрыгивай.

АНЯ. Не буду.

ПОРШЕНЬ. Тогда идём на гору. Покатаемся.

АНЯ. На гору? Тренировка закончена.

ПОРШЕНЬ. Я твой тренер или как? Слушайся меня.

АНЯ. Пипец. Ты псих. Ты псих ненормальный.

ПОРШЕНЬ. Слушай сюда. У тебя кроме характера и симпатичного тельца ничего нет. И вообще, ты нечувствительная, как бревно, а я люблю других. Ну не в моём вкусе, поняла? И малолетка. А я чудовище, зачем тебе такое? Поматрошу и брошу. Так что давай спокойно дальше тренироваться. Лады? Тише едешь – дальше будешь. Давай, забудем ссоры.пей чай, грейся. Сделаю из тебя чемпионку.

Аня убегает.

8.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда вы познакомились с Василием Поршневым?

СОНЯ. Два года назад. Ну как, не то, что бы познакомилась – увидела его.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. При каких обстоятельствах?

СОНЯ. Мы с моим парнем приехали смотреть соревнования по горнолыжному спорту. И я сидела в кафе, а они рядом – Журавлёва и Поршневу. Я тогда и с ней познакомилась. До этого слышала о Поршневе от своего парня, он часто рассказывал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что рассказывал?

СОНЯ. Ну, что он мудака и бабника.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мудака?

СОНЯ. Тренирует спортсмена, а на соревнования не пускает. Ну и тебя никто не видит, очки он не зарабатывает. Или проверочки его: идёт с тобой в поход. Ну и там якобы теряет тебя. Или там еда у них вся тонет. И надо дальше идти. Это он характер проверяет – оставляет себе

самых настойчивых, а других бросает. Его многие спортсмены предателем считают. У других тренеров спортсменов мог переманить – его поэтому все терпеть не могли.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А не показалось вам, что у него взрывной характер и он может совершить преступление? Ну, на эмоциях.

СОНЯ. На эмоциях – может быть. Не знаю. Он же, вроде, ранен был. Они же после войны все такие нервные. Мой дядя, например, такой. Перед тётей махал травматом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Поршнев угрожал кому-то, не знаете?

СОНЯ. Ну, мой парень рассказывал, что Поршень обещал ему яйца оторвать, если он будет спать с кем-то из команды. Это когда Поршень тренировал его.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И как, оторвал?

СОНЯ. Да нет, болтаются.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Понятно.

9.

Два года назад. Аня и Поршень пьют чай в столовой. Рядом с ними за соседним столиком ест и прислушивается к их разговору Соня.

ПОРШЕНЬ. Когда это началось? Почему скрывала?

АНЯ. При мне разбился один. Два года назад.

ПОРШЕНЬ. И ты молчала, ну молодец, чё. Год я её тренирую, и она мне не доверяет. Тише едешь – дальше будешь, вообще пока не надо ездить на соревнования, чё такая дура?

АНЯ. Сколько можно оскорблять? Пипец.

ПОРШЕНЬ. Журавлёва, давай смотреть правде в глаза – у тебя страх. Мы его на тренировках преодолели, но на соревнованиях он снова. Он глубже, чем я думал, а ты тем более отпираешься как ослица. Это проблема, понимаешь? Все твои нормальные результаты на тренировке – херня. Выходишь на старты и всё – ошибка за ошибкой. Так, план такой: тренируемся и никаких соревнований пока. Тише едешь – дальше будешь. И работа с психологом. Такое бывает, слушай. Даже по году люди потом исправляют, ничего.

АНЯ. А время уходит.

ПОРШЕНЬ. Пока у тебя этот страх – время так и будет уходит. Запустила ты недуг. Не надо было ехать на эти старты. Говорил тебе. Говорил? А ты дура, вместе с мамашей твоей. У тебя техника за этот год выросла хорошо, надо дальше.

АНЯ. Да пошла она, эта техника.

ПОРШЕНЬ. Что?

АНЯ. Мне уже двадцать, может, так и не возьмут никогда в сборную. Никогда, блин.

ПОРШЕНЬ. Да куда денутся, возьмут. Меня туда тренером могут скоро взять, и тогда я тебя.

АНЯ. В сборную?

ПОРШЕНЬ. Скоро могут взять обратно. Короче, кончай сопли распускать. Всё будет.

АНЯ. Ничего не будет, я же нечувственная. Бревно.

ПОРШЕНЬ. Ты про что? Аня, мы эту тему закрыли год назад, нет?

АНЯ. Есть такие люди, как я, бесполезные во всём.

ПОРШЕНЬ. Журавлёва, кончай.

АНЯ. Может, мне вообще из спорта уйти?

ПОРШЕНЬ. Началось нытьё. Так, Журавлёва, собралась. Работаем. Завтра жду на тренировке в обычном режиме. И больше год никаких соревнований. Только труд и труд. Всё перетрут. Тише едешь – дальше будешь. И по поводу дыхания – я тебе говорил, первые секунды не дышишь, зажимаешься, от этого плохая работа ног и ошибки. Мы же с тобой всё исправили уже, откуда снова зажалась? Молчишь? Давай, через полчаса в машине жду.

Поршень уходит.

СОНЯ. Строгий тренер у тебя, пипец.

АНЯ. А?

СОНЯ. Строгий, говорю, тренер.

АНЯ. А, ну да. Достал.

СОНЯ. Что, проиграла, да?

АНЯ. А ты, конечно, выиграла?

СОНЯ. Я с парнем своим приехала посмотреть. Меня Соня зовут.

АНЯ. Аня.

СОНЯ. У вас, конечно, конкуренция такая жёсткая. У нас в ски-кроссе не так.

АНЯ. Ты ски-кроссом занимаешься?

СОНЯ. Вот-вот в сборную попаду. Вы там толкаетесь у себя на горных лыжах, зачем.

АНЯ. Только шею сломать можно у вас в ски-кроссе.

СОНЯ. Ну да, тут характер нужен, смелость, многие боятся.

АНЯ. Да не боюсь, просто...

СОНЯ (*показывает татуировку на шее – олимпийские кольца*). Видишь, на олимпиаду хочу.

АНЯ. Все хотят.

СОНЯ. Ну теперь точно поеду. Блин, родители офигеют от счастья. И Федя мой тоже. Он так гордится. У тебя парень есть?

АНЯ. Конечно.

СОНЯ. И как он, болел за тебя?

АНЯ. Ну конечно. Мысленно.

СОНЯ. А мой парень сам тренер, мой тренер. Мы всегда вместе.

АНЯ. Да? И как?

СОНЯ. Что как?

АНЯ. Ну, не мешает тренировкам?

СОНЯ. Наоборот, помогает. Бежишь на гору как на крыльях. Мотивация.

Подходит Федя.

ФЕДЯ (*Соне*). Медведева, чего сидим, машину не расчистила.

АНЯ (*Ане*). Это Федя, мой тренер по ски-кроссу.

ФЕДЯ (*Ане*). Я видел, как ты катилась. Слушай, что такое с тобой, боишься?

АНЯ. В смысле?

ФЕДЯ. Ты же Анна Журавлёва, да?

АНЯ. Да.

ФЕДЯ. Ты офигенная, Анна Журавлёва. Такая техника у тебя! Но зажим, поэтому ошибки. Я знаю, как его снять.

АНЯ. Как?

СОНЯ. Ой, мы круто работаем со страхом.

ФЕДЯ (*Соне*). Медведева, иди машину чисти. Нам ехать скоро. (*передает ей ключи*) Прогрей.

Соня уходит.

АНЯ. А разве она не...

ФЕДЯ. Что?

АНЯ. Ну, вы не... А, ладно, извини.

ФЕДЯ. Слушай, Соня – не мой краш, не верь ей. И так, Аня, ты офигенная. Я влюбился.

АНЯ. В смысле?

ФЕДЯ. Ты красивая невозможно, и ты будешь чемпионка. У меня офигенное чутьё, верь мне. Я вижу чемпионов. Серьёзно. Как экстрасенс вижу. Только страх тебе мешает. Ну и тебе надо

к нам, конечно, на ски-кросс. Я тренирую команду, из которой половина минимум в сборную войдёт. Послушай, знаю твоего тренера, у него тренировался в своё время. Поршень, он, конечно, харизматик, но такой олд-скульный. Техникой долбаёт, да?

АНЯ. Достал.

ФЕДЯ. Ну вот, знаю его как облупленного. Только бабы его волнуют да техника катания. Видео на повторе включает, да? Потом заставляет мысленно гору проходить, да? Ну вот, видишь, всё знаю. Короче, это всё вчерашний день. И горнолыжный спорт – вчерашний день – ну это скучно реально: направо, налево, направо, налево – на что смотреть? То ли дело ски-кросс! У нас нужны мозги, понимаешь, тактика: вот вы вчетвером прыгаете по этим волнам, трамплинам, и надо обогнать всех, обмануть, обыграть, понимаешь?

АНЯ. Да.

ФЕДЯ. Вижу, понимаешь. Сразу вижу думающих, с мозгами. Представляешь, четверть всего времени спуска ски-кроссер проводит в воздухе. Как птица. Давай решай прямо сейчас. Не пожалеешь. Впереди олимпиада.

АНЯ. Я согласна.

ФЕДЯ. Ты согласна? Аллилуйя! Она согласна! Поехали со мной, покажу нашу трассу.

АНЯ. А Соня?

ФЕДЯ. По дороге забросим её. Чувствуешь, мурашки бегут по телу?

10.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда вы познакомились с Василием Поршневым?

ФЕДЯ. Э-э-э... Тринадцать лет назад. Он был моим тренером.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как вы думаете, Поршнев был связан с криминалом?

ФЕДЯ. Даже не знаю. Вроде нет... Хотя, у него были какие-то знакомые такие, ну, по военному прошлому, он же воевал в Чечне. И у них братство, типа.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кого-то можете назвать?

ФЕДЯ. Ну, Вадя, он его устроил к нам в спортшколу дворником. Такой бухарик. Сел за драку, и работу не мог найти, и Поршень его к нам взял.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ещё кто?

ФЕДЯ. Ну, какие-то дружки были, бизнесмены. Не помню имён. Бывало, надо ехать на сборы, денег нет, и он спонсоров находил среди своих друзей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У него были враги?

ФЕДЯ. Хэйтеров хватает, такой характер.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что?

ФЕДЯ. Ну, враги есть, конечно, плохой характер. Со всеми ссорится. Его почему из сборной выбросили в своё время – он чиновников критиковал, прямо, типа, Навальный такой. Ну его выбросили. Он запил. Потом взял себя в руки – он всегда берёт себя в руки – вернулся и стал в нашей спортшколе тренировать. Так что, врагов у него было много, конечно. Взять тех же мужей – он же такой ловелас, и бывали случаи.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да? Какие?

ФЕДЯ. Ну, раз видел, как его прессовать приехали – за жену. Ну и там махач, в смысле, драка началась. Поршнев дерётся как бультерьер, конечно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А он был мстительный?

ФЕДЯ. Как?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мог отомстить?

ФЕДЯ. Ну, в смысле, взорвать? Вы же подозреваете, что это он взорвал?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не обязательно взорвать, а в принципе отомстить?

ФЕДЯ. В принципе... мог.

11.

Два года назад. Спортзал, посреди – батут.

ФЕДЯ (*Ане*). Твоя задача – точно прийти в сетку. Точно пришла – травмы нет. Думай только о сетке. Будешь думать о постороннем – травма. Что?

СОНЯ (*Ане*). Такая улыбочка.

АНЯ. Улыбочка обычная.

ФЕДЯ. Улыбаться полезно, Медведева. (*Ане*) Как колено?

АНЯ. Норм.

ФЕДЯ. Концентрация. Пустая голова. Сначала закрой глаза и прокрути в голове прыжки.

АНЯ. Ты говоришь как Поршень.

ФЕДЯ. Это универсальные вещи.

СОНЯ (*Феде*). У меня колено сегодня ноет.

ФЕДЯ (*Соне*). Работаем, Медведева, колено будем на пенсии слушать.

СОНЯ. С батута падаешь, как с третьего этажа.

ФЕДЯ. Так, Медведева!

СОНЯ. Просто предупреждаю.

ФЕДЯ. Мы не для того с моста прыгали, чтобы ты её пугала сейчас. Стопэ.

АНЯ. Я не боюсь, после моста уже не боюсь. Мне кажется, когда мы с третьего этажа прыгали, я так испугалась, что вообще не боюсь уже ничего.

ФЕДЯ (*Ане тихо*). Я в тебя верю, девочка. Порадуй меня.

АНЯ (*тихо*). Всегда хочу тебя радовать.

ФЕДЯ. Просто дыши, дыши и думай о цели. И прокачу тебя в Макдак.

СОНЯ. А меня только в Бургер-кинг звал.

ФЕДЯ. Сед, прыжок на колени, прыжок на живот, прыжок с поворотом, складка, разножка – пошла! Молодец! Так! Выше! Молодец!

Аня прыгает на батуте, в зал заходит Поршень. Федя подходит к нему.

Воу-воу! Какие люди!

ПОРШЕНЬ. Ну что, Малой, опять за старое?

ФЕДЯ. Василий Андреич, сколько лет!

ПОРШЕНЬ. Опять портишь девок?

ФЕДЯ. Да кто же их портит, тренирую. Какими судьбами?

ПОРШЕНЬ. Верни Журавлёву на место.

ФЕДЯ. Журавлёва сама ко мне попросилась.

ПОРШЕНЬ. Да? Она сама, да?

ФЕДЯ. Ну да. У нас тут чуть ли не единственная в России трасса по ски-кроссу, логично, что она захотела перейти.

ПОРШЕНЬ. Логично, да.

ФЕДЯ. Ну и на ски-кроссе спортсменов-то штук пятьдесят во всём мире, легче победить.

ПОРШЕНЬ. Легче, ага.

ФЕДЯ. Вот она и перешла. У неё же страх.

ПОРШЕНЬ. Да? Правда?

ФЕДЯ. Ну и я работаю с этим. Мы с третьего этажа в сугробы прыгаем. И с тарзанки с моста. Хочу на гипноз её сводить. Так-то она перспективная очень. Техника хорошая благодаря вам. А меня тренером сборной по ски-кроссу возьму, ну и я её тогда к себе. Потом на международные сразу, потом олимпиада.

ПОРШЕНЬ. Какой отличный план.

ФЕДЯ. Ну да. Как вы, Василий Андреич, какие новости? Давайте после тренировки чайку?

ПОРШЕНЬ. Я тебе этим чайком яйца-то ошпарю, Малой.

ФЕДЯ. Василий Андреич!

ПОРШЕНЬ. Тогда, может, польза от тебя будет, перестанешь девок портить. Лена-то стала чемпионкой у тебя? Олимпийское золото собрала?

ФЕДЯ. Ну при чём тут Лена, она как сыр в масле, у нас уже двое детей, она дома.

ПОРШЕНЬ. Послушай меня сюда. Мало того, что одну талантливую горнолыжницу обрюхатил, мало того, что команду развалил...

ФЕДЯ (*перебивает*). Да почему развалил-то?

ПОРШЕНЬ. Заткнись уже. Знаешь прекрасно. Перетрахал полкоманды, потом они друг друга пиздят и рыдают.

ФЕДЯ. Но Василий Андреич!

ПОРШЕНЬ. Так. Слушай меня сюда. Девочку эту верни мне. Подготовка твоя - одна видимость, ты хреновый тренер, Малой, потому что торопишься. За результатом гонишься, любой ценой, серьёзного спортсмена тебе не вырастить. Ты пустое место, Малой, пузырьки от газировки. Тебе инструктором работать у богатых дамочек, вот там ты на месте.

ФЕДЯ. А теперь ты слушай сюда. Я тебе уже давно не пацан, и ты больше не мой тренер. Ты псих и алкаш, и не можешь мне простить, что я у тебя бабу увёл ещё семь лет назад. Ну увёл, да. Ей со мной больше нравилось. И Журавлёву тебе не отдам.

Поршень бьёт Федю, Федя падает. Поршень подходит к Ане.

ПОРШЕНЬ. Журавлёва, кончай глупостями заниматься. Возвращайся.

АНЯ. Не вернусь.

ПОРШЕНЬ. С ума сошла? Зачем тебе это чмо?

АНЯ. Не вернусь.

ПОРШЕНЬ. Какая дура всё-таки.

Поршень уходит. Аня подбегает к Феде.

АНЯ. Как ты?

ФЕДЯ. Норм.

АНЯ. Кровь.

ФЕДЯ. Фигня.

АНЯ. Так испугалась.

ФЕДЯ. Норм, говорю же.

АНЯ. Совсем с катушек съехал.

ФЕДЯ. Поеду зафиксирю повреждения, быстро с работы полетит.

АНЯ. Будешь жаловаться?

ФЕДЯ. Можно в полицию заяву написать.

АНЯ. В полицию, с ума сошёл. Не надо!

ФЕДЯ. Тебе его жалко или меня?

АНЯ. Он мой тренер.

ФЕДЯ. А я? Я не твой тренер? Кто твой тренер вообще?

Аня молчит, Федя уходит. Подходит Соня.

СОНЯ. Классно Поршень навалял ему.

АНЯ. Да.

СОНЯ. Ты не очень-то бегай за Феденькой, у Феденьки жена и двое детей.

АНЯ. В смысле?

СОНЯ. Так что ничего серьёзного.

АНЯ. Жена?

СОНЯ. А ты любовница, получается.

АНЯ. А ты?

СОНЯ. Что?

АНЯ. Ты же с ним...

СОНЯ. Мы с ним разберёмся.

АНЯ. А-а-а.

СОНЯ. Ну вот так.

АНЯ. Понятно.

СОНЯ. У нас давно и надолго. У нас по-настоящему. Я принимаю его такого. Думаешь, ты первая? Ага, как же. Но он всегда ко мне возвращается.

АНЯ. А-а-а.

СОНЯ. Ну вот так.

АНЯ. Только чемпионкой стану я.

СОНЯ. Посмотрим.

12.

ОЛЬГА. Аня хотела вернуться к Поршневу. Как чувствовала. Но на него тогда написал жалобу его бывший ученик, этот Фёдор, новый тренер Анин.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так-так, у них был конфликт?

ОЛЬГА. Да, был. Его и уволили поэтому, полагаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть, Фёдор стал врагом для Поршнева?

ОЛЬГА. Не знаю, не слышала больше про эту историю, понятия не имею, что там между ними. Знаю про Аню. Поршневу отказался Аню принимать обратно, вот из-за доноса Фёдора. Аня ужасно переживала. Но в себе. Поменяла все пароли абсолютно. У них были близкие отношения с этим Фёдором. И он её бросил. Ну и представьте её состояние – первый мужчина и такое. Она переживала. Но продолжала тренироваться у Фёдора. Поэтому всё и произошло. Я имею в виду несчастный случай. Ну и было разболтано крепление, только мы не стали с этим разбираться. Может, кто-то открутил. Это уже никак не узнать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите, как это было.

ОЛЬГА. Обычная тренировка. Аня упала так неудачно, что сломала позвоночник. Тут нечего рассказывать. У вас было в жизни горе?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не знаю.

ОЛЬГА. Значит, не было.

13.

Полтора года назад, квартира Ани и Ольги.

ОЛЬГА. Аня, хочешь торт испеку?

АНЯ. Спасибо, не хочу.

ОЛЬГА. Черёмуховый.

АНЯ. Спасибо.

ОЛЬГА. Или Наполеон.

АНЯ. Спасибо.

ОЛЬГА. Можно морковный.

АНЯ. Мама, спасибо.

ОЛЬГА. А хочешь, включу музыку – какая нам нравится?

АНЯ. А тебе какая нравится?

ОЛЬГА. Мне?

АНЯ. Тебе.

ОЛЬГА. Вся музыка одинаковая.

АНЯ. Mam, хочу побыть одна.

ОЛЬГА. Зачем?

АНЯ. Просто. Иди почитай. Что там у тебя – «Трансёрфинг реальности» какой-нибудь.

ОЛЬГА. Отдала уборщице нашей. Вдруг ей поможет.

АНЯ. Надо же, а была такая фанатка. Что, всё, перестала визуализировать?

ОЛЬГА. Некогда теперь абсолютно.

АНЯ. Mam, испеки торт.

ОЛЬГА. Захотела торт?

АНЯ. Нет, но надо же тебе чем-то заниматься.

ОЛЬГА. А давай массаж поделаю.

АНЯ. Не хочу.

ОЛЬГА. Это же так полезно, Аня, улучшает кровообращение.

АНЯ. Улучши себе.

ОЛЬГА. Всё время плачу.

АНЯ. Это депрессия. Сходи к врачу, пусть таблетки пропишут.

ОЛЬГА. А тебе?

АНЯ. Что мне?

ОЛЬГА. Пусть и тебе пропишут.

АНЯ. У меня всё в порядке. Доживаю спокойно.

ОЛЬГА. Фёдор твой пропал. Как же так. Все бросили абсолютно. Не пишет даже?

АНЯ. Никто не бросил. У меня и не было никого.

ОЛЬГА. Надо что-то делать, Аня. Представляй новых друзей.

АНЯ. Mam.

ОЛЬГА. Нужно верить в хорошее. Верить, Аня. Из всех сил.

АНЯ. Тут переписывалась с девушкой, тоже колясочницей. Пролежень на пальце ноги у неё образовался. Из-за этого сустав разрушился. Пролежни теперь мои друзья.

ОЛЬГА. Надо испробовать все средства. Одна женщина сегодня к нам пришла за посылкой, разговорились – пчёлами лечится. Если на тебя посадить сто пчёл, то это может дать такой толчок иммунной...

АНЯ (*перебивает*). Mam.

ОЛЬГА. Или закаливание. Просто закаливание с молитвой. А потом можно на святые источники ехать, в прорубь. Аня, мы просто малoverы, мы...

АНЯ (*перебивает*). Mam.

ОЛЬГА. Аня!

АНЯ. Иди и пеки торт. Успокойся. Тебе звонит Андрей?

ОЛЬГА. Мы переписываемся, да.

АНЯ. Вот и напиши, чтобы сводил тебя в кино.

ОЛЬГА. В кино?

АНЯ. Да.

ОЛЬГА. А ты?

АНЯ. Мама, отстань от меня. Достала уже. Меня бомбит от тебя. Видеть не могу твою рожу!

ОЛЬГА. Зачем ты так, доча.

АНЯ. Выйди из моей комнаты!

ОЛЬГА. Я была у Фёдора, попросила прийти.

АНЯ. Что?

ОЛЬГА. Говорю, спасайте нас. Это из-за вашего ски-кросса.

АНЯ. Зачем ты это сделала? Зашквар.

ОЛЬГА. Аня, я таблетки нашла, не надо это делать, детка. Я и сама хотела так сделать, но надо жить.

АНЯ. Ну не таблетки, так вены ножом. Способов много.

ОЛЬГА. Много способов, да. Знаешь, Аня, ты дура.

АНЯ. Что?

ОЛЬГА. Ты дура, идиотка. Так устала от тебя. От твоих этих истерик, криков, капризов. Полгода с тобой ношусь как с писаной торбой. Да, ты инвалид. Но не надо за это мучить окружающих. Я не виновата, что ты инвалид. Хочешь себя убить – убивай. Давай, помогу из окна выброситься, хочешь?

АНЯ. Mam, ты ку-ку?

ОЛЬГА. Или петлю сделать? Я сделаю. У меня там капроновые верёвки. Знаешь, вот возьму и позвоню сейчас Андрею, и мы пойдём с ним вино пить. А ты сама себе готовь ужин.

АНЯ. Не буду.

ОЛЬГА. Не будешь? Ну прекрасно, и сиди, Аня, голодная. Приду утром. Я жить хочу! Достала ты уже! Абсолютно!

14.

Тот же вечер. Маленький подвальный тренажёрный зал.

ОЛЬГА. Василий Андреич.

ПОРШЕНЬ. Ольга, как там вас по бабушке. Какими судьбами.

ОЛЬГА. Можно просто Ольга. Давно не виделись.

ПОРШЕНЬ. Как Аня?

ОЛЬГА. Аня держится. Коляску, наконец, купили. Машину её продать пришлось. Ну ей уже не понадобится. Из дома пока не выходит – у нас ТСЖ так и не сделало пока съезд, всё обещают, обещают.

ПОРШЕНЬ. А как настроение?

ОЛЬГА. Ну, настроение... сами понимаете.

ПОРШЕНЬ. Понимаю.

ОЛЬГА. Вы бы навестили её, Василий Андреич. А то она как-то совсем.

ПОРШЕНЬ. Ну, не знаю. Я тоже как-то совсем. Бухаю.

ОЛЬГА. Вижу, да.

ПОРШЕНЬ. Вряд ли приятно меня видеть. Тут работаю, друг взял. Надоело всё. Ане нужен другой пример. Позитивный.

ОЛЬГА. Но всё же...

ПОРШЕНЬ. Нет. Нет, не уговаривайте. Зовите, вон, Фёдора.

ОЛЬГА. Он не пришёл ни разу. И не позвонил.

ПОРШЕНЬ. Ну понятно, да. Это она вас ко мне отправила?

ОЛЬГА. Нет, она не знает.

ПОРШЕНЬ. Ну передайте, пусть позвонит мне, если что.

ОЛЬГА. Не позвонит.

ПОРШЕНЬ. Ну тогда пусть Феде своему звонит.

ОЛЬГА. Спасибо за совет. До свидания.

ПОРШЕНЬ. Отец-то у неё есть?

ОЛЬГА. Что?

ПОРШЕНЬ. Отец есть у неё? Вы же развелись, а отец? Помогает?

ОЛЬГА. Отец живёт от нас в двух остановках, но никогда не приходил, только алименты платил. У него семья, двое детей. Аня его никогда не видела. Думала, покажут её по телевизору, когда она станет олимпийской чемпионкой. И он узнает.

ПОРШЕНЬ (*передает Ольге деньги*). Стойте. Вот, возьмите.

ОЛЬГА (*не берёт деньги*). Спасибо, не надо. Вам они больше нужны, вижу.

Ольга уходит.

15.

Полтора года назад, квартира Ольги и Ани.

АНЯ. Помнишь Ваню? Ну он песенки в контакте бросал. Написала ему. Ты, говорит, так нравилась мне, Аня. Надо же. Нравилась, чего же молчал? А, говорит, стеснялся, ты такая была деловая, с высокими целями. Ну, говорю, а теперь – не нравлюсь? Он говорит, ну ты пойми, какая перспектива – не может у нас быть ничего, конечно. Конечно, говорю. Ну давай дружить, говорит, буду тебе музыку кидать, кино. Будем просто друзьями. Давай, говорю, конечно. Отвези меня, Ваня, по одному адресу, раз ты теперь друг. Только надо помощника – нет у нас пока пандуса. И по тому адресу тоже, наверное, никаких пандусов. Приезжаем. Там и правда нет пандусов. Несут они меня на руках, Ваня и ещё парень. Пытаются шутить как-то, слава богу. Седьмой этаж. Открывает нам такой дядя – симпатичный, понимаю твой вкус. Ну он такой худой и седой, красивый, но не улыбается. Говорю: ну привет. Он так волнуется, заметно. Заносят меня парни, хотят уйти. А он им: да посидите на кухне, недолго это. Ну и он мне в глаза не смотрит, что-то про алименты начал, мол, платил до восемнадцати, а теперь не обязан, и у него двое детей, и ещё в другой семье, оказывается, дети, что у него долги, неприятности на работе. Я говорю: камон, при чём тут деньги, просто хотела познакомиться. А он: не могу ничего сделать для тебя, ну хочешь, пистолет подарю. И даёт мне пистолет. Говорю: зачем мне пистолет? Он говорит, ну больше ничего нет у меня. И хочет назад забрать. Но я не отдала. Пусть будет. Всё какая-то память об отце.

ОЛЬГА. Он в полиции работает, поэтому.

АНЯ. Ты убери его лучше. Ну, повыше убери, пожалуйста. На антресоли, чтобы я не могла достать.

16.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите о том, почему Поршневу вдруг стал заниматься школой для инвалидов.

АНЯ. Ну его уволили из спортшколы. И он пошёл работать в тренажёрный зал тренером. Ну и потом мы встретились. Это уже было после моей травмы. И он стал уговаривать снова вернуться к тренировкам.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. То есть, он для вас хотел открыть эту школу?

АНЯ. Нет, конечно. Просто надоело ему в тренажёрке, это же скучно. А он человек деятельный.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А он ругал при вас мэра или кого-то из власти?

АНЯ. Ругал? Нет, наоборот, благодарил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. За что благодарил?

АНЯ. За то, что дают стимул жить, бороться.

17.

Год назад. Комната Ани.

ПОРШЕНЬ (*читает книгу*). «Люди, будто скот, шли на бойню, куда их гнали священнослужители всех вероисповеданий, а также императоры, короли, президенты и другие владыки и полководцы...»

АНЯ (*перебивает*). Василий Андреевич, а можно про любовь?

ПОРШЕНЬ (*читает книгу*). «Ехали за новыми ранениями, увечьями и болезнями, ехали, чтобы заработать себе простой деревянный намогильный крест, на котором ещё много лет

спустя на ветру и дожде будет трепетать вылинявшая фуражка с заржавевшей кокардой. Изредка на фуражку сядет печальный старый ворон и вспомнит о сытых пиршествах минувших дней, когда здесь для него всегда был накрыт стол с аппетитными человеческими трупами и конской падалью. Вспомнит, что под фуражкой были самые лакомые кусочки – человеческие глаза».

АНЯ. Фу.

ПОРШЕНЬ. Что «фу»? Это, Журавлёва, великая литература. Вот раньше не было у тебя времени читать, только каталась и каталась, а теперь время появилось – развивай мозг.

АНЯ. А есть поприятнее?

ПОРШЕНЬ. «Похождения бравого солдата Швейка» - это очень приятная книжка. Меня, можно сказать, спасла. И мы будем читать её каждый день. Да-да, Журавлёва, никуда не денешься. Хоть пандус тебе и сделали.

АНЯ. Спасибо.

ПОРШЕНЬ. Да я просто зашёл им напомнил, они совсем как-то расслабились в своём ТСЖ. Ну всё, хватит, давай-ка сделаем разминочку.

АНЯ. Не хочу.

ПОРШЕНЬ. Что «не хочу», спина занемела уже, давай составь компанию.

АНЯ. Я уже в прошлый раз сказала: «не хочу». Не хочу и не буду тренироваться.

ПОРШЕНЬ. Так я тебя на лыжи не ставлю. Пока. Давай-ка лучше шею разомнём. Давай, повороты головы из стороны в сторону. Раз-два, раз-два, раз-два.

АНЯ. Василий Андреич...

ПОРШЕНЬ. Работаем, Журавлёва, работаем. Следи за дыханием. И за техникой – подбородок тяни дальше, что как старуха, давай, не ленимся. Теперь плечи ввёрх поднимаем. Давай, раз-два, раз-два, раз-два. Дышим, Журавлёва, дышим. Выше, выше поднимай. Грудь расправь. Не торопись, следи за техникой.

АНЯ. Да какая тут техника.

ПОРШЕНЬ. Везде есть техника, Журавлёва, во всём. Даже в том, как ты с тренером огрызаешься.

АНЯ. Вы мой бывший тренер.

ПОРШЕНЬ. Бывших тренеров не бывает, Журавлёва, я тебе на всю жизнь тренер, не сопротивляйся. Теперь давай тянись макушкой вверх. Выше, выше давай!

АНЯ. Куда уже выше.

ПОРШЕНЬ. Ещё выше, ещё! Ты учиться-то когда пойдёшь?

АНЯ. Куда?

ПОРШЕНЬ. Это тебе решать, куда. Учиться надо, Журавлёва, нельзя же такой дурой всю жизнь. Образование получать, знания.

АНЯ. В смысле? Как я на коляске-то?

ПОРШЕНЬ. Буду тебя возить. Чё такая тупая, Журавлёва, давай учишь и работай, сколько можно на шее у матери сидеть, тебе уже двадцать один, здоровая лошадь.

АНЯ. Здоровая?

ПОРШЕНЬ. Безногая, но здоровая. У нас в зал ходит такая – красивая девка, но такая тупая, думаешь: господи, почему ты дал такую красоту такой корове, она же всё просрёт.

АНЯ. А я при чём?

ПОРШЕНЬ. Бог дал тебе ноги, Журавлёва, и бог забрал их обратно. А ты должна головой думать. Давай-ка теперь наклоны в стороны, раз-два, раз-два, раз-два. Говори, на кого хочешь учиться.

АНЯ. Да не знаю я.

ПОРШЕНЬ. Не знает она, даю минуту, чтобы узнать. Что делать-то умеешь?

АНЯ. Ничего.

ПОРШЕНЬ. А хочешь что?

АНЯ. Умереть хочу.

ПОРШЕНЬ. Это желание вполне исполнимое. Но позже. А пока надо поработать. Что в детстве-то интересно было?

АНЯ. Играла в MTV. Представляла, что ведущая.

ПОРШЕНЬ. Боже мой, ну ты тупая. Ну допустим. Ведущая. Давай гугли, где учат на ведущих. Или шире – на журналистов. Давай узнавай.

АНЯ. Прямо сейчас?

ПОРШЕНЬ. Прямо сейчас наклоны вперёд. Давай, раз-два, раз-два, раз-два. Да тянись ты дальше, чё такая деревянная-то? Буратина, Буратина Журавлёва, так и буду звать тебя, Тиночка сокращённо, Бурашенька.

АНЯ. Идите в жопу, Василий Андреевич.

ПОРШЕНЬ. Это что? Спортивная злость? Хорошо, Журавлёва, злись, это помогает спортсмену.

АНЯ. Я не спортсмен, ну хватит уже троллить.

ПОРШЕНЬ. Бывших спортсменов не бывает, Журавлёва, ты теперь и в гробу у меня тянуться будешь. Надо только гроб подлиннее заказать, чтобы ничего не мешало. Да, вот так, дальше, дальше. Подумал, чё я в этом зале сижу с ублюдками, надо снова в спорт вернуться.

АНЯ. Ну правильно.

ПОРШЕНЬ. Подумал, надо вас тренировать, убогих инвалидов.

АНЯ. В смысле?

ПОРШЕНЬ. Ну кто вас тренировать-то будет? Я только, кому вы нужны, лентяи и нытики. Написал проект. Посчитал. Сколько денег надо на слепых, сколько на колясочников. Есть же сани на лыже – моноски - ты у меня на Паралимпиаду должны поехать, Журавлёва.

АНЯ. Куда?

ПОРШЕНЬ. Хотела на Олимпиаду – поедешь на Паралимпиаду. Это жиза, как говорится.

АНЯ. А вы меня спросили, надо мне это?

ПОРШЕНЬ. Нет, конечно, и спрашивать не собираюсь. Конечно, поедешь, куда денешься. Я тебя взял на тренировки, обещал сделать спортсмена.

АНЯ. С тех пор меня парализовало.

ПОРШЕНЬ. Ну что поделать, обещание надо сдерживать – это мой долг.

АНЯ. Ну клёво всё за людей решаете.

ПОРШЕНЬ. Только никак чиновники наши не соглашаются денег дать нам государственных. Нету денег, говорят, на инвалидов больше, регион, говорят, исчерпал свой лимит. Мне сказали, надо решать на уровне мэра.

АНЯ. Ну так и позвоните своей Дашеньке, она папу попросит.

ПОРШЕНЬ. Звонил, послала меня Дашенька далеко, я ж ей нервы помотал. И папа её очень на меня зол. Теперь Дашенька вышла замуж, не до меня ей пока. Ну ничего, работаем дальше. Должны дать на школу. Ворует каждый гондон, а на школу им жалко. Да я им взорву всю мэрию на хер, если они денег не дадут. Так что ты давай, Журавлёва, решай быстро с учёбой и форму доставай. Скоро будем кататься.

18.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Василий Поршневу, так.

ПОРШЕНЬ. Так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Полных лет?

ПОРШЕНЬ. Сорок три.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы делали в ночь на 27 декабря?

ПОРШЕНЬ. Пел.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пел?

ПОРШЕНЬ. Да, в караоке.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Название и адрес.

ПОРШЕНЬ. «Соловей», Промышленная, дом шесть. Ну вы и сами уже знаете, наверное.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С кем?

ПОРШЕНЬ. С другом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Имя друга.

ПОРШЕНЬ. Коля Капитонов. Николай.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Откуда в принадлежащем вам автомобиле Suzuki Jimny девяносто восьмого года оказались боеприпасы?

ПОРШЕНЬ. Я нашёл их на помойке на даче. Кто-то выбросил. Загрузил в багажник, чтобы отвезти в полицию и сдать. Но не успел. Встретил друга, поехали в караоке.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. На помойке?

ПОРШЕНЬ. На помойке. Я воевал, был сапёром. Понимаю во взрывчатых веществах. Там были светозвуковые гранаты «Заря» и «Пламя» – они не опасные, безосколочные. Но было с десяток РГД-5, боевые. Не стал вызывать полицию – решил сам отвезти. Виноват.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Адрес дачного посёлка.

ПОРШЕНЬ. Записывайте.

19.

Два дня назад. Кабинет таможенника.

ПОРШЕНЬ. Полковник Чурсин Иван Иванович, приветствую.

БАТЯНЯ. Вася? Какими судьбами?

ПОРШЕНЬ. Мимо шёл, дай, думаю...

БАТЯНЯ. Много кто мимо таможни ходит, но нам обычно не рады.

ПОРШЕНЬ. Цветёшь, батяня.

БАТЯНЯ. Виски? Коньяк?

ПОРШЕНЬ. С утра? Да нет.

БАТЯНЯ. Сколько? Лет пять не заходил.

ПОРШЕНЬ. Ну вроде того.

БАТЯНЯ. Забыл старого командира.

ПОРШЕНЬ. Как такое забыть. Я по делу.

БАТЯНЯ. Ну раз по делу, давай «Джек Дэниэлс»? Просто тридцать грамм.

ПОРШЕНЬ. Знаю я твои тридцать.

БАТЯНЯ. За победу.

Выпивают.

ПОРШЕНЬ. Последний раз, когда пили, ты депутатов хотел взорвать. Боеприпасы ликвидировал?

БАТЯНЯ. Зачем? Пополнил склад. Светозвуковые взял, «Заря» и «Пламя», ящик.

ПОРШЕНЬ. Митинги разгонять?

БАТЯНЯ. Зачем митинги, у нас таможня, всё спокойно. Тише едешь – дальше будешь. Люди сами мне за покой платят. Давай, говорят, Иванович, мы будем спокойно жить, вот тебе премия за это. И живут спокойно. А я охраняю их покой, чтобы они не волновались, когда через таможню ходят. Ну что, какое дело у тебя?

ПОРШЕНЬ. Ты же дружишь с мэром?

БАТЯНЯ. Так уже лет двадцать как. Ну не то, что дружу, он так, штатский. Но в баню вместе ходим.

ПОРШЕНЬ. Понимаешь, год бьюсь, сказали, это мэр стопорит, нужно его личное распоряжение. Открыл горнолыжную школу для инвалидов. Надо побеждать на Параолимпиаде. Колясочники, слепые, ДТП – все могут кататься, бесплатно. Сам учу и ещё пару ребят взял. Снега у нас в регионе полно, а спорта мало.

БАТЯНЯ. Хорошая затея.

ПОРШЕНЬ. Понимаешь, собрал по ребятам, нашёл спонсоров. Школа частная, но она должна стать государственной. Год хожу по инстанциям. Год! Уже задолбался. Эти твари меня футболят туда-сюда. И так получается, что стопорится на самом верху, у мэра. Поможешь?

БАТЯНЯ. Он помнит тебя. Ты же дочку его поматросил, он тебя в чёрный список внёс. Вряд ли что подпишет.

ПОРШЕНЬ. Ну два года прошло, сколько можно. Она уже и замуж вышла.

БАТЯНЯ. Она замуж вышла, а ты для него проходимцем остался.

ПОРШЕНЬ. Ну, раскаиваюсь. Да и не виноват ни в чём – она сама за мной бегала. Многие бегали. Эти бабы как липучки, сам понимаешь. Что я плохого сделал?

БАТЯНЯ. Мог бы жениться, дурак. Стал бы богатым человеком.

ПОРШЕНЬ. Ну, не женился.

БАТЯНЯ. Беспокойный ты человек, Вася. Давай по второй. За победу.

ПОРШЕНЬ. За победу наших паралимпийцев на Паралимпиаде!

БАТЯНЯ. Я дам тебе денег.

ПОРШЕНЬ. Дай, но это проблему всё равно не решит – понимаешь, там нужно разрешение мэра, чтобы можно было трассу продлить, на землю разрешение. Ну и к бюджету всё равно надо подключаться, на частных деньгах это несерьёзно.

БАТЯНЯ. Слышал? Этот, зам по дорожному строительству, набрал кредитов на тринадцать миллионов, теперь взятки с каждого трясёт. А этот, из департамента имущественных отношений, раздал якобы под огороды пять с половиной гектар, а на самом деле там многоэтажки строят. Представь, да, как разбогател. А эти министры наши взяли из бюджета двести миллионов построить мост, а сами перевели их на свою компанию, моста нам долго не видать. А сколько они мутят с аукционами, мама дорогая. Сколько они взяток берут. Один только за поставку медоборудования шесть лимонов взял – ну а что, фирма победила, оборудование поставила, ему бабла передали, а что делать. Да они из всего деньги делают. Один просто не повышает аренду Водоканалу, и на этом уже три дома построил.

ПОРШЕНЬ. Некогда им об инвалидах думать.

БАТЯНЯ. Давай выпьем за справедливость, Вася. *(выпивают)* Я в завязке год был.

ПОРШЕНЬ. О-па, зачем развязался?

БАТЯНЯ. Раны болят. Всю душу вымотали. А тут ты заходишь, подумал – судьба. А поехали на дачу, Вася!

ПОРШЕНЬ. Батянь, что там делать – снегом всё завалило.

БАТЯНЯ. Покажу тебе боеприпасы свои.

ПОРШЕНЬ. Опять? Я уже видел пять лет назад. Тебе нельзя пить.

БАТЯНЯ. А помнишь, Вася, как мы приказ получили ударить артиллерией? И как стали проверять – оказалось, координаты неверные – там как раз наш полк стоял. А если бы не проверили? Тише едешь – дальше будешь.

ПОРШЕНЬ. Тише едешь – дальше будешь, согласен. Но война – это бардак.

БАТЯНЯ. Нет, плохая война – это бардак, а хорошая война – это правильно. Поехали, Вася.

ПОРШЕНЬ. Батянь, десять утра же. Тебе работать надо.

БАТЯНЯ. Вася, поверь, мне уже работать не надо. Я работаю, чтобы просто дома не сидеть. Хобби такое. Поехали на твоей, шофёра отпущу.

ПОРШЕНЬ. Я новую продал – зарплату людям платить надо. На корыте езжу.

БАТЯНЯ. Похер. По яблокам стрелять будем.

ПОРШЕНЬ. По каким яблокам?

БАТЯНЯ. Будем в речку яблоки бросать и по ним палить.

ПОРШЕНЬ. Где мы зимой яблоки возьмём?

БАТЯНЯ. Вася, ты ебанько? Купим в «Пятёрочке» яблоки.

20.

День назад. Караоке-ресторан.

БАТЯНЯ (*официантке*). Саломифь.

ОФИЦИАНТКА. Что, простите?

БАТЯНЯ. Саломифь.

ПОРШЕНЬ. Сала принесите ему.

БАТЯНЯ. Ха! Догадался!

ПОРШЕНЬ. Я помню.

БАТЯНЯ. Сало с чёрным хлебом. Селёдки. Борща тарелочку. И бутылочку водки.

ПОРШЕНЬ. И соль принесите, пожалуйста.

БАТЯНЯ. Говори – «силь», а не «соль». И бутылочку водки.

ОФИЦИАНТКА. Ещё одну?

ПОРШЕНЬ. Нет, одной нам хватит. И чёрного чаю.

Официантка уходит.

БАТЯНЯ. Чаю, зачем тебе чай? Я твой полковник, слушай меня. Будем горилку пить.

ПОРШЕНЬ. Не лезет уже.

БАТЯНЯ. Хорошо постреляли.

ПОРШЕНЬ. Зачем боеприпасы брали?

БАТЯНЯ. Как зачем – чиновников взрывать.

ПОРШЕНЬ. А если гайцы остановят?

БАТЯНЯ. Во-первых, дыхнёшь в трубочку – и заберу права. А во-вторых, позвоню товарищу, выручит нас. Везде товарищи нужны. Тоже, кстати, по войне его знаю. Всё война мне принесла – и друзей, и ранения.

ПОРШЕНЬ. Забудь уже ты эту войну.

БАТЯНЯ. Государство со своим народом воюет, ты, вот, за школу воюешь, война везде, Вася!

ПОРШЕНЬ. Ну давай поедим и спать поедим, сутки не спали, устал.

БАТЯНЯ. Хорошо в бане попарились. И на баяне поиграли. Ты хороший мужик, Вася. А ложечки здесь красивые.

Кладёт во внутренний карман пиджака пару чайных ложек.

ПОРШЕНЬ. Сколько уже у тебя в коллекции?

БАТЯНЯ. Пару сотен. Честно добытых. Вообще, ложечки могут рассказать многое о людях, многое, Васятка.

ПОРШЕНЬ. Подарю тебе набор.

БАТЯНЯ. Никаких наборов, зачем! Только уникальные и только добытые. Куда еду, куда иду – всегда принесу оттуда ложечку. Бывает, заходишь в ресторан – футы-нуты, а ложечки жлобские! Вот она правда, ложка-то и спалила. Сортиры с музыкой, а ложки дешёвые, без фантазии.

ПОРШЕНЬ. Простые люблю.

БАТЯНЯ. Простые – это самые сложные и есть. Надо разбираться в простоте, Васюнь. Иная простота – это вызов традиции, а иная – бессилие создателя её.

ПОРШЕНЬ. О как ты заговорил! Как папа римский.

БАТЯНЯ. Вот, шлют мне сиськи. Ну, друзья мои, приятели – шлют в вотсапе. Так вот, иная грудь небольшая, вроде бы такая обычная, а есть в ней что-то, характер какой-то, такая гармония линий – что ах! Сиськи – они многое о бабе сказать могут. Давай споём «Ничь яка мисячна».

ПОРШЕНЬ. Тебя послушаю.

БАТЯНЯ. Слушай своего командира, салажонок. Запоминай, пока я жив. Как дела на личном фронте?

ПОРШЕНЬ. Да, это фронт.

БАТЯНЯ. Вот видишь, вся жизнь – фронт. Поэтому сейчас встанем и поедем взрывать мэрию.

ПОРШЕНЬ. Иван Иванович.

БАТЯНЯ. Какой я тебе Иван Иванович?

ПОРШЕНЬ. Полковник, что ты говоришь?

БАТЯНЯ. Что слышал. Надо взорвать. Они совсем оборзели, эти чиновники. Надо победить. Поехали.

ПОРШЕНЬ. Да погоди, мы же сало с борщом заказали.

БАТЯНЯ. А, да, надо заправиться. Левый, левый, левый берег Дона.

ПОРШЕНЬ. А вот и борщ.

Официантка приносит еду и водку.

БАТЯНЯ. Как тебя зовут, девочка?

ОФИЦИАНТКА. Серафима.

БАТЯНЯ (*даёт ей купюру*). Это тебе на чай, ангел мой. Твой отец родину защищал?

ОФИЦИАНТКА. В армии служил.

БАТЯНЯ (*даёт ещё купюру*). А вот возьми тогда ещё, девочка. (*Официантка уходит*) А жизнь-то налаживается, знаешь анекдот?

ПОРШЕНЬ. Нет.

БАТЯНЯ. Мужик повеситься решил: жена бросила, с работы уволили, денег нет, бухло кончилось. Залез на табуретку, сделал петлю. Вдруг видит, на шкафу заначка – пузырёк водки. А жизнь-то налаживается, - подумал мужик. Надо выпить. Ну давай spoём, Васька. «Синева»? Расплескалась синева, расплескалась. По беретам голубым, по тельняшкам. Эх, Васька. Какой тогда салага был. А помнишь, как с майором комедию ломал?

ПОРШЕНЬ. Когда через Хасавюрт идти должны были?

БАТЯНЯ. Все, все знали, что мы должны через Хасавюрт идти, каждая собака. Помнишь?

ПОРШЕНЬ. Как забыть.

БАТЯНЯ. Говорю генералу: надо идти по-другому. Тише едешь – дальше будешь. Объяснил, что и как, придумали вместе. Ну и послали тебя с майором.

ПОРШЕНЬ. Как его – Стус фамилия была, такой спокойный хряк, сразу веришь.

БАТЯНЯ. Да, такого и выбрали, чтобы каждая сука поверила. И на Жигуле вас. По милицейским участкам.

ПОРШЕНЬ. Мы в каждый участок: так и так, завтра колонна идёт, помогите, посоветуйте. Простые ребята.

БАТЯНЯ. Ха-ха! Простые ребята: честный мужик да с ним паренёк-салажонок.

ПОРШЕНЬ. И они все поверили сразу, никаких сомнений. Мол, да, да, поможем чем можем, пусть идёт колонна.

БАТЯНЯ. А я позвал начальника района, посидели, выпили. Говорю: ну, завтра идёт наша колонна через Хасавюрт, помощи. Он: конечно.

ПОРШЕНЬ. А пошли в другую сторону.

БАТЯНЯ. А пошли в другую сторону! Ёба! Давай выпьем!

ПОРШЕНЬ. Расплескалась синева, расплескалась. Я пропущу, батянь, мне же за баранку.

БАТЯНЯ. Да на хер тебе за баранку, вызови трезвого водителя.

ПОРШЕНЬ. Какого трезвого, у нас гранаты в машине.

БАТЯНЯ. Вызови, пусть к мэрии отвезёт, и не будет тех гранат. Очистим мир от скверны. Поехали сейчас. Я могу за рулём. Сделаем дело, погуляем смело!

ПОРШЕНЬ. Погоди, давай выпей ещё и спать поедем. Сутки не спали.

БАТЯНЯ. Давай выпьем и наведём порядок.

ПОРШЕНЬ. Ну и пошли мы в другую сторону, да?

БАТЯНЯ. Да! Пошли мы в другую сторону! Огромный крюк, через пустыню. Дорогу перекрыли – ни один не мог сообщить, что колонна идёт. Ну и застали их врасплох – подошли к городу.

ПОРШЕНЬ. А пограничники потом пошли через Хасавюрт.

БАТЯНЯ. Восемьдесят человек пропало. Матери приезжали их из плена выкупали ещё пару лет. Кто выжил, конечно.

ПОРШЕНЬ. Да, и мы бы попали.

БАТЯНЯ. И ты бы сейчас песни не пел. А чё мы сидим как дураки? Давай петь. Листья жёлтые над городом кружатся, с тихим шорохом нам под ноги ложатся. И от осени не спрятаться не скрыться. Да, от осени никуда. Но мы-то с тобой ещё пошуршим, да? Салага. Женись, Вася.

ПОРШЕНЬ. Думаю, да. Надо бы.

БАТЯНЯ. Женись. Детей понаделай, сколько можешь.

ПОРШЕНЬ. Уже начал выполнять.

БАТЯНЯ. Пусть им повезёт на хорошей войне оказаться.

ПОРШЕНЬ. Да и без войны неплохо.

БАТЯНЯ. Нет, война – это хорошо. Война – это правильно, натурально, Вася. Только воевать надо уметь. Это должно быть красиво. С минимальными потерями. Чтобы ты оп-оп-оп – и победил головой. И не надо заваливать мясом. Если бы не этот гондон главнокомандующий... Столько людей погибло. Восемьдесят первый полк, помнишь, Вася?

ПОРШЕНЬ. Как забыть.

БАТЯНЯ. Разведка говорила, там везде засады, из мечети палат. А он сказал – надо взять дворец. И мы пошли, но шли медленно. И технику оставляли. Дошли до больницы. Ну и это нас спасло. А вот других... Во-первых, сто тридцать первая бригада не имела задач. Она была в резерве. А ей по рации говорят: захватить вокзал. Она помчалась. А восемьдесят первый полк. Задач не поставил им этот гондон, они полностью забили улицу. И вот сумерки. Чеченцы на крышах вдоль всего маршрута. В упор расстреливают. Сперва голову и хвост, потом выборочно середину. Гранаты подвешивают на парашютики от сигнальных ракет. И они взрываются сверху и накрывают. И за ночь полк уничтожили. Целый полк, Вася.

ПОРШЕНЬ. Пусть земля им...

БАТЯНЯ. Потому что какому-то гондону дали в войну поиграть. Столько людей потеряли... Восемьдесят первый полк...

ПОРШЕНЬ. Мы не могли помочь.

БАТЯНЯ. Бездарная война.

ПОРШЕНЬ. Надо помянуть.

БАТЯНЯ. Надо всыпать. Зря что ли гранаты взяли.

ПОРШЕНЬ. Кому всыпать?

БАТЯНЯ. Ну кому-кому, мэру. Это бездарный мэр.

ПОРШЕНЬ. Согласен. Но давай в следующий раз.

БАТЯНЯ. Нет. Война есть война, врага жалеть не надо, Вася. Десять осколочных бабахнут нормально, дымовые световые тоже шороху наведут.

ПОРШЕНЬ. Батянь, давай споём.

БАТЯНЯ. Пospели вишни в саду у дяди Вани, у дяди Вани поспели Вишни, а дядя Ваня с тётей Груней нынче в бане. А ты любишь, Вася?

ПОРШЕНЬ. Родину?

БАТЯНЯ. Бабу.

ПОРШЕНЬ. Люблю, кажется.

БАТЯНЯ. Кажется – значит, не любишь.

ПОРШЕНЬ. Не знаю. Я для неё старый пень.

БАТЯНЯ. Мне шестьдесят, тоже пень. Шестьдесят, а я не любил никогда, Вася. Вот что страшно. Подорвусь – и не будет никто плакать.

ПОРШЕНЬ. Как никто – у тебя жена, двое детей, внуки.

БАТЯНЯ. Это всё не то. Я говорю тебе про другие слёзы. Натали, утоли мои печали, Натали. Я вернулся, чтоб сказать тебе «Прости!»

ПОРШЕНЬ. Надо поспать.

БАТЯНЯ. Взорвём мэрию на хер...

ПОРШЕНЬ (*перебивает*). Тихо, тихо.

БАТЯНЯ. Взорвём и поспим тогда, поехали!

ПОРШЕНЬ. Он же твой друг.

БАТЯНЯ. Поэтому я не его тылы взрываю, не квартиру, не машину, а просто символ. Здание.

ПОРШЕНЬ. Да что ты этим взорвёшь, только стёкла побить можно.

БАТЯНЯ. Давно пора чиновников сократить раз в пять, Вася.

ПОРШЕНЬ. Ладно. Взорвём, раз ты так хочешь. Помнишь, в прошлый раз хотел депутатов взорвать?

БАТЯНЯ. Мы дорогу не нашли. Это их господь спас.

ПОРШЕНЬ. Посмотрим, что сделает господь на этот раз. Знаешь, батянь, я тебе хочу спасибо сказать.

БАТЯНЯ. Спасибо? За что?

ПОРШЕНЬ. За то, что ты нас подготовкой дрючил. Технику нам оттачивал как бы. И что потом в бою нас не гнал, мы самые последние шли, осторожно. Потому и живы остались. На всю жизнь запомнил: тише едешь – дальше будешь.

БАТЯНЯ. Да, тише едешь – дальше будешь.

ПОРШЕНЬ. У меня отца-то и не было, считай. Алкаш. Мать гонял, на нас орал, даже и рассказать нечего. Один раз помылся, побрился – пойдём, говорит, сын, воздушного змея пускать. Я рад до жопы. Пойдём, говорю. И вот мы вдвоём, я с отцом, понимаешь? Это мой отец, он трезвый, он хочет со мной запускать змея. Пришли на пустырь, отец змея тырк-тырк, и запутался в верёвках. «Да ёб твою мать!» - говорит. Порвал змея, плюнул и пошёл пить. А меня бросил там. Больше мы и не ходили никуда вдвоём. Потом он на зону загремел за драку. Ну и там туберкулёз подхватил. Подох.

БАТЯНЯ. Не надо так. Царство небесное.

ПОРШЕНЬ. Пойду машину погрею. А где мой телефон? Ты видел телефон?

21.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Статья 222 УК РФ. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов. Наказываются ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев либо без такового. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового.

ПОРШЕНЬ. Надо было вызвать полицию. Зачем попёрся их сам отвозить?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Статья 105 УК РФ. Покушение на убийство.

ПОРШЕНЬ. Боже мой. Какое покушение?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто был вашим сообщником? Николай Капитонов? Телефон, адрес этого человека.

ПОРШЕНЬ. Никакого сообщника не было, я один.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как давно вы знаете Артёма Седых?

ПОРШЕНЬ. Не знаю я Артёма Седых. Это тот парень, что угнал?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите, при каких обстоятельствах вы обнаружили, что ваш автомобиль исчез?

ПОРШЕНЬ. Выхожу из караоке ночью, смотрю – нет машины.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему в полицию не обратились?

ПОРШЕНЬ. Думал, найду где-то сам.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Опять сам?

ПОРШЕНЬ. Взял тачку и ездили по дворам, искали. Думаю, ну, если угнали, то, может, бросили во дворе где-то, ну кому нужно это корыто? Потом решил поехать поспать к матери, а там уже машина, и вот, привезли сюда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вас ждали по месту прописки, а где проживаете?

ПОРШЕНЬ. Да где, то там, то тут проживаю. Ну будем считать, у матери, да. Какая разница? А что случилось-то? Я ж так и не знаю ничего.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Показания Артёма Седых: «Шёл ночью от друга, увидел смартфон на приборной доске автомобиля Suzuki Jimny, телефон звонил. Окно водителя было приоткрыто. Я подошёл и увидел, что ключ торчит в замке зажигания. Я сел в машину, завёл и поехал. Просто решил прокатиться, раз такой случай».

ПОРШЕНЬ. Да, наверное, забыл ключ, ну и телефон. Теперь понятно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А больше ничего?

ПОРШЕНЬ. Бумажник, вроде, на месте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Давайте честно – вы наняли Артёма Седых?

ПОРШЕНЬ. Нанял? Да я не знаю ничего, гражданин следователь. Этот Артём – он кто?

Сколько лет? И для чего бы мне его нанимать?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чтобы он совершил покушение на мэра.

ПОРШЕНЬ. На мэра? Что вы имеете в виду?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Прикидываетесь? Взрыв рядом с машиной мэра.

ПОРШЕНЬ. Есть у вас вода? Пить хочется.

22.

ФЕДЯ. Мне, знаете, на самом деле стыдно, что я тогда на него жалобу написал. Не знал, что его уволят. Там, конечно, не только моя жалоба – он же засветился пару раз в новостях – то морду какому-то перцу из чиновников набил, то с самолёта пьяного ссадили. Короче, дело не только в моей заявке, но она последняя капля. И это не айс. Он, конечно, никакой не взрыватель, и не бандит, он хороший тренер. Правда хороший. Короче, смотрите, вот идёт пацанчик по улице, глубокая ночь, пива выпил, хорошо. Смотрит – айфончик светится в машине. Машинка, конечно, так себе, но айфончик новый. И стекло спущено – бери. Ну взял. Смотрит – а ключ в замке зажигания. Опа! Ну сел, посидел. Завёл. Ну что, покатаемся. Ему же пятнадцать, вы сказали, прав нет, папка вряд ли разрешает порулить. Тем более, пива выпил. Ну поездил, поездил вокруг. Никого нет. А, думает, чего бы и не покататься ещё, прикольно же. Ага, ну едет дальше, педали жмёт, а тут видит – на сиденье граната. Ха, смешно, граната, липовая, конечно. Ну взял, повертел, кольцо дёрнул – опа! Она настоящая! Ну что делать – выбросил из окна.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А там мэр.

ФЕДЯ. Да, мэру не спалось.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мэру и теперь плохо спится, думаю.

23.

День назад. Квартира Ани и Ольги. Ольга смотрит новости по телевизору, Аня гладит бельё.

АНЯ. Mam, сделай потише, Коля спит.

ТЕЛЕВИЗОР. Вчера ночью произошло чрезвычайное происшествие – взрыв боевой гранаты рядом с автомобилем, в котором находился мэр нашего города и директор водочного завода. Мэр был задержан при получении крупной суммы денег. Антикоррупционная операция велась полицейскими давно, купюры были помечены. Но кому понадобилось совершать покушение на мэра? С этим разберётся следствие.

АНЯ. Это же Поршнева машина.

ОЛЬГА. Да ну.

АНЯ. Да точно тебе говорю.

ОЛЬГА. Господи боже мой.

24.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не знаю, что там у вас за покровители. И будь моя воля... В общем, можете идти.

ПОРШЕНЬ. Отпускаете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Под подписку о невыезде.

ПОРШЕНЬ. Спасибо. Мне нужно работать. У нас же спортшкола – тренируем инвалидов. Хоть чиновники нам не подписывали, а мы уже год так на частных капиталах. Спасибо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но мы будем дальше разбираться.

ПОРШЕНЬ. Конечно. Я за то, чтобы справедливость восторжествовала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Идите уже.

25.

Квартира Ани и Ольги.

АНЯ. Я поседела за сегодняшний день.

ПОРШЕНЬ. А я не поседел?

АНЯ. Ты поседел?

ПОРШЕНЬ. А как ты думаешь, конечно.

АНЯ. Зачем ты нажрался с этим своим полковником?

ПОРШЕНЬ. Журавлёва, это риторический вопрос.

АНЯ. Я устала. Сессия эта ещё. У Коли зубы режутся.

ПОРШЕНЬ. Где мой Коленька, принеси его.

АНЯ. Иди спи, какой тебе Коленька, ещё выронишь.

ПОРШЕНЬ. Да, да, спась, спать. Отпустили. Наверно, батяня похлопотал.

АНЯ. Иди уже.

ПОРШЕНЬ. Анька, так люблю тебя.

АНЯ. Да?

ПОРШЕНЬ. Так ужасно люблю тебя. Давай поженимся. Коленька потом будет спрашивать: ну вы чё, родители.

АНЯ. Ты серьёзно?

ПОРШЕНЬ. Я тебе сказал, что поженимся, когда школу официально откроем, да. Но ты видишь, всё тянется, тянется. Так что завтра поедом заявление в загс напишем.

АНЯ. А сессия?

ПОРШЕНЬ. И сессия, и тренировка. Давай-ка на тренировку, кстати.

АНЯ. Ты издеваешься? Какая тренировка? Я у следователя просидела полдня. Поседела вся от страха. Ужас. Зачем вы взяли эти гранаты?

ПОРШЕНЬ. Теперь будет новый мэр, он нам всё подпишет, будет школа. Но главное – надо тренироваться, Журавлёва. Я твой тренер, слушай меня.

АНЯ. Вася!

ПОРШЕНЬ. Василий Андреич. Так, Журавлёва, давай, нам технику надо оттачивать. Давай, собралась – и на гору. Там ребята посмотрят. Давай, на лыжу свою садись и катись.

АНЯ. Ты псих. Ты псих ненормальный.

ПОРШЕНЬ. Задёрни шторы. Сделаю из тебя чемпионку, обещал же.

КОНЕЦ